

Статья опубликована на сайте Всероссийской научной конференции «Ялта-45/16. Феномен международной дипломатии в истории военных конфликтов»
Адрес ссылки: <http://yalta-45-16.mya5.ru/materialy-dokladov/>

*к.и.н. Д.В. Суржик
(ИВИ РАН, Москва)*

**«Связующее звено» между Сталиным и Черчиллем:
роль Франклина Рузвельта в дипломатии «большой тройки»**

Есть среди нас такие, кто не внемлет велениям времени и не извлекает уроков из американской истории... Именно от таких недалёковидных людей, а вовсе не от рабочих организаций, исходит опасность классового раскола общества, который в других странах привел к диктатуре, к тому, что жизнь людей наполнилась страхом и ненавистью.

*Ф.Д. Рузвельт, «беседа у камина»
6 сентября 1939 г.*

Наверное, каждый из историков, изучающих дипломатическую историю Второй мировой войны, помнит знаменитую фразу Уинстона Черчилля, сказанную сопровождавшему его на Тегеранской конференции заместителю министра иностранных дел Великобритании Александру Кадогану: «Я сидел между большим русским медведем с вытянутой вперед лапой, с одной стороны, и огромным американским буйволом, с другой. Между ними двумя сидел несчастный маленький английский ослик, который был единственным, кто знал правильный путь»¹. Однако, если посмотреть на многочисленные фотографии «большой тройки», и на Тегеранской 1943 года, и на Ялтинской 1945 года конференциях именно американский лидер всегда находится посередине, между британским премьер-министром и советским генсеком.

¹ Цит. по: *Cadogan A. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938—1945. New York, 1972. P. 582.*

Обратимся к фактам. Придя в Белый дом 4 марта 1933 года, Франклин Рузвельт, осуществивший ряд коренных преобразований в американской внутренней и внешней политике, в самом американском образе жизни, до последних дней своего президентства опирался на весьма узкую команду сподвижников, к которым стоит отнести его персонального помощника Гарри Гопкинса, вице-президента Генри Уоллеса, заместителя госсекретаря Самнера Уэллеса, министра внутренних дел Гарольда Икеса и группу идейных сподвижников его интервенционистского курса, сгруппировавшихся вокруг Управления военной информации. Им противостояла глухая консервативно настроенная масса чиновничества среднего звена в различных ведомствах, а также противники социальных реформ в США и сотрудничества с Советским Союзом. Каких только эпитетов не удостоился 32-й президент США от правых политиков за реформы «Нового курса», главным содержанием которых были активное участие государства в экономике страны и забота о рядовом труженике – «маленьком человеке»!

Однако еще большее недовольство его критиков вызывала внешняя политика: установление официальных дипломатических контактов, а затем (в

годы Второй мировой войны) и военный союз с СССР. При этом начало процесса нормализации отношений между двумя странами совпадает с активизацией японской агрессии на Дальнем Востоке. Токио уже неоднократно становился предметом оживленной дискуссии в американской публицистике, которая уже с 1920-х годов задавалась вопросом о грядущем столкновении двух держав². В этой связи установление дипломатических связей с одной из крупнейших и мощных держав Дальнего Востока, в сторону которой также была направлена японская угроза, было продиктовано не личными «левыми» симпатиями, а вполне разумным с точки зрения геополитики шагом.

С первых дней официальных советско-американских отношений именно «японский вопрос» стал главным. Уже в ноябре 1933 г., продолжая взятый в своей европейской политике курс на коллективную безопасность, М.М. Литвинов в ходе переговоров с американским президентом выдвинул идея Тихоокеанского пакта о ненападении для обеспечения безопасности обеих стран. Поддержав эту идею, Франклин Рузвельт передал ее разработку своим дипломатам (в том числе первому послу США в СССР Уильяму Буллитту, известному в последующем своей жесткой линией по отношению к Советскому Союзу). Хотя от разработки итогового документа американская сторона отказалась³, между державами активно развивались взаимовыгодные экономические отношения.⁴ А 17 января 1939 г. уже сдавший дела в Москве посол Джозеф Дэвис отправил в Вашингтон телеграмму номер 800.51 W89USSR/247. В документе, состоящем из 26 страниц, среди других вопросов, Дэвис излагал ход переговоров (проводившихся по инициативе

² См. подробнее Буранок С.О., Левин Я.А. Американская публицистика 1920-х – 1930-х годов о японской угрозе: пророчества и ошибки // Пространство и время, 2014, № 1. С. 134 – 138.

³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802 – 2002: В 3 тт. / Предс. ред. коллегии: И.С. Иванов. – Т. 2. 1917 – 2002. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 231.

⁴ Так, с 1929 по 1938 гг. на стройках первых пятилеток на Урале и в Сибири трудилось 12 тысяч американцев, потерявших работу у себя на родине из-за Великой депрессии. (См. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII – XX века. М.: Международные отношения, 2001. С. 50).

Ф.Д. Рузвельта) о возможности обмена разведывательной информацией «по Японии, дальневосточному и тихоокеанским регионам в целом». Как писал дипломат в своем отчете, И.В. Сталин, М.М. Литвинов и В.М. Молотов одобрили и идею, и «связного» - американского военного атташе подполковника Филиппа Феймонвилла. Однако, как Дэвис, в дело вмешался вопрос о возвращении «кредита Керенского», неудачные переговоры по которому негативно сказались и на перспективе соглашения об обмене разведывательными данными ⁵. Верный своей «лисьей политике», американский президент отказался от решительных шагов навстречу СССР. Но у него, окруженного глухой стеной неприятия во властных структурах, думается и не было иного выбора до тех пор, пока не грянула мировая гроза.

Постепенно, преодолевая наследие изоляционизма, Соединенные Штаты входили и в европейскую политику. Здесь интересы двух держав (США и СССР) также сходились в главном: обеспечении мира. Но здесь препятствий на пути к сближению было намного больше. Целая когорта видных американских дипломатов (А. Бёрли, У. Буллит, Дж. Кеннан и ряд других) в конце 1930-х годов выступала с откровенно антисоветских позиций, пытаясь апеллировать к идее «равновесия» Европы и – отсюда – необходимости сотрудничества с нацистским режимом. Анализируя положение сил в Европе после аншлюса Австрии, Бёрли в личном письме президенту писал: «Всё это к лучшему. То, что делается дипломатическими методами, позволяет избежать войны, результатом которой будет тот же итог», а гитлеровская «консолидация Европы «станет единственным инструментом, способным восстановить чистоту расы и экономическое единство, которые позволят Европе выжить и гармонично развиваться»⁶. Как видим, планы умиротворения нацистского агрессора основывались у видных американских дипломатов как на расистской логике, так и на формулах,

⁵ См. National Archives at College Park. DOS (RG 59) Central Decimal File 1930–39, 800.51 W 89 USSR/247. P. 4–10.

⁶ Цит. по: *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009. С. 286.

близких к политике «блестящей изоляции», главным жупелом которой снова представлялась Россия (Советский Союз).

Не уступая этому давлению, но и не бросаясь в другую крайность, 14 апреля 1939 г. Рузвельт обратился к немецкому и итальянскому диктаторам с пацифистским обращением, призывая мирным путём решить европейские проблемы и заявив о возможности участия в переговорах США в роли «добротного посредника». Реакция на это обращение была весьма прохладной как в Европе, так и в самих Соединенных Штатах, и только Советский Союз выступил в поддержку этой инициативы. Борьба с изоляционистами и откровенными сторонниками Антикоинтерновского пакта в США дошла до такой степени, что сам Рузвельт, уйдя от своей привычной дипломатической манеры, очень жёстко высказался за закрытыми дверями. Как телеграфировал в Москву советский посол в Вашингтоне К.А. Уманский, Рузвельт приравнял к государственной измене поведение крайних изоляционистов из обеих американских партий, «людей, мечтающих, что им воздвигнут памятник не в Вашингтоне, а в Берлине и Риме». «Он заявил, что речь идет о спасении США как части мира от экономической катастрофы в случае дальнейшей агрессии, а не о посылке армии за океан, которая к тому же опоздала бы, ибо современная агрессия молниеносна. Главное сейчас выиграть время, работающее на мирные страны»⁷. Но тогда это предостережение осталось гласом вопиющего в пустыне.

После Мюнхенского раздела Чехословакии и провала трехсторонних переговоров о заключении пакта взаимопомощи между СССР, Францией и Великобританией, Советский Союз был вынужден решать вопросы своей безопасности в одиночку, оказавшись в очень неблагоприятных внешнеполитических условиях, в состоянии продолжающихся военных реформ. Однако советской дипломатии удалось сделать невозможное и почти на два года отложить нападение Гитлера на СССР. Получив эту отсрочку,

⁷ Цит. по: Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов: В 12 тт. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2011. С. 385.

советское руководство начало ряд важнейших военных преобразований, а также попыталось отодвинуть границы дальше на запад, дипломатическим путем и военным давлением установив свой суверенитет над спорными землями. Однако имидж СССР был подорван советско-финской (Зимней) войной 1939 – 1940 годов, когда все европейские страны единогласно признали Москву агрессором и удалили её из Лиги Наций.

В руки американских адептов идеи «протосдерживания» Советского Союза в Европе попала беспроектная карта. Москве было объявлено «моральное эмбарго», все экономические и дипломатические отношения были заморожены, и сближение между двумя странами казалось невозможным. Однако именно в это время (параллельно с развитием советско-английских отношений) начинает формироваться устойчивый диалог между высшими политическими деятелями двух стран, который позднее перерастёт в Антигитлеровскую коалицию. Уже 1 февраля 1940 г. на встрече американского посла Л. Штейнгарта с наркомом индел В.М. Молотовым первый заявил: «После революции [1917 г. в России – Д.С.] Рузвельт – единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел»⁸. По другую сторону океана, в Вашингтоне, с апреля 1940 г. начались регулярные (до 3 раз в неделю) встречи советского посла с заместителем госсекретаря США Самнером Уэллесом. Известный ранее своей твёрдым заявлением в поддержку прибалтийского суверенитета от 23 июля 1940 г., Уэллес, тем не менее, стал важным каналом нормализации отношений с Советским Союзом. Уже через несколько дней после этой декларации, 27 июля Уэллес в беседе с Уманским сделал «явно порученное ему Рузвельтом заявление»: о советско-американских

⁸ Цит. по: *Ржешевский О.А.* «Разговоры велись те, что нам надо было...» // Независимое воен. обозрение, 2010, № 37.

отношениях. Пора обеим сторонам подумать, - сказал он, - не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреватые новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создающуюся в отношениях между нашими странами»⁹. Именно Уэллес 21 января 1941 г. заявил К.А. Уманскому, что, если Советский Союз окажется в положении жертвы нацистско-милитаристской агрессии, то Соединенные Штаты окажут ему помощь, равно как они помогают в борьбе против захватчиков Великобритании и Китаю¹⁰. Еще в 1937 г. Уэллес был назначен Рузвельтом на пост заместителя ловкого в закулисных интригах госсекретаря Корделла Хэлла, которому президент не мог доверить проведение своей европейской политики. Тот же Уэллес уже 1 марта 1941 г. предупредил Уманского о грядущем нападении Германии на СССР.

Необходимо объективно отметить: осознание, что мир изменился, стал не суммой региональных держав, а единым, глобальным целым, тяжело внедрялось в сознание американской правящей элиты и общественных деятелей. У рузвельтовского «интервенционализма» было много противников. Одним из них был тот, кто, казалось бы, всей своей жизнью, всеми своими достижениями должен был служить подтверждением идеи глобализма – Чарльз Линдберг. Выдающийся американский летчик, один из первых, кто в одиночку перелетевший Атлантический океан, «автор» и «исполнитель» множества других перелетов на немислимые ранее расстояния, Линдберг позитивно воспринимал развитие авиации в нацистской Германии и до нападения Японии на Перл-Харбор был одним из лидеров известного и очень влиятельного изоляционистского комитета «Америка превыше всего». Преодолевать сопротивление таких ярких личностей Франклину Рузвельту приходилось, напрямую обращаясь к

⁹ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов... С. 389 – 390.

¹⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic papers 1941. Vol. I. General. The Soviet Union. Washington (D.C.): GPO, 1958. P. 692.

американцам. Ему принадлежит инициатива регулярных радиообращений к нации – «бесед у камина» - жанра еженедельных публичных выступлений, который не смог повторить ни один из последующих американских президентов. Стоит отметить, что стремление к просветительству, к наделению американцев новыми (прогрессивными и объективными) знаниями в экономике и международных отношениях – одна из главнейших черт всего «ньюдилерского» или «интервенционистского» наследия. Так, уже с началом Второй мировой войны, по инициативе министров-единомышленников Рузвельта отдельные ведомства развернули информационно-просветительскую деятельность, показывая преступления нацизма и тонкости международных отношений. В последующем (с апреля 1942 г.) эта деятельность сконцентрировалась в Управлении военной информации, которое также испытывало большие трудности в работе с Конгрессом.

Однако в полную силу «ньюдилерский» или «интервенционистский» курс во внешней политике Франклина Рузвельта раскрылся в переговорах «большой тройки» - лидеров Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Одним из основных видов документов, сохранившихся об отношениях внутри «большой тройки», безусловно, является переписка между И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Черчиллем. Как отмечают современные исследователи, каждому из них был присущ свой стиль: «Почерк Черчилля отличают яркий и образный литературный стиль, свободный полет мысли, свойственные большому организатору и будущему Нобелевскому лауреату по литературе. Послания Рузвельта гораздо более официальные и прозаичны, а его личные интервенции лишь отчасти оживляют дипломатичный или сухо-военный – в зависимости от ведомственного участия – характер американских посланий. Сталин скуп на слова, сугубо конкретен и точен в выражениях, сосредоточен на самой сути обсуждаемых вопросов. В отличие от своих западных партнеров,

склонных к демократической фразеологии, он чуждается идеологических построений и крайне редко использует обращения к общим принципам»¹¹.

Однако, несмотря на эту внешнюю сухость, именно президент США зачастую выступал «третейским судьей» в спорах советского и британского лидера, пытаясь примирить зачастую противоположные интересы двух супердержав. Как неоднократно отмечалось, с менее конфликтным и более обходительным Рузвельтом (в отличие от инициатора интервенции Антанты в раздираемую Гражданской войной Россию) Сталин был более учтив и «обращался с президентом как со старшим из участников»¹² на конференциях «большой тройки».

С первых же телеграмм, советскому руководителю, видно, как Ф. Рузвельт проводил в жизнь свои слова о всеобъемлющей помощи СССР, о чем было заявлено им 24 июня 1941 г. Такие «практичные» с чувством восхищения героической борьбой Красной армии телеграммы относятся к лету – зиме 1941 г.¹³ Они дополняют и наполняют конкретным содержанием визиты специальных посланников президента в Москву. Однако, вместе с тем, горячее желание помочь новой жертве гитлеровской агрессии зачастую наталкивалось на субъективные и объективные трудности: нехватку транспорта, неподготовленность портовых сооружений к работе с большим количеством весьма специфичных грузов и пр.¹⁴.

Конечно, не стоит абсолютизировать и приукрашивать отношение Франклина Рузвельта к СССР и советскому лидеру. Ряд шагов в годы Второй мировой войны был совершен президентом под давлением британского

¹¹ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование: В 2 тт. Т. 1. М.: ОЛМА МЕДИА Групп, 2015. С. 9.

¹² Цит. по: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО, 2009, №5. С. 3.

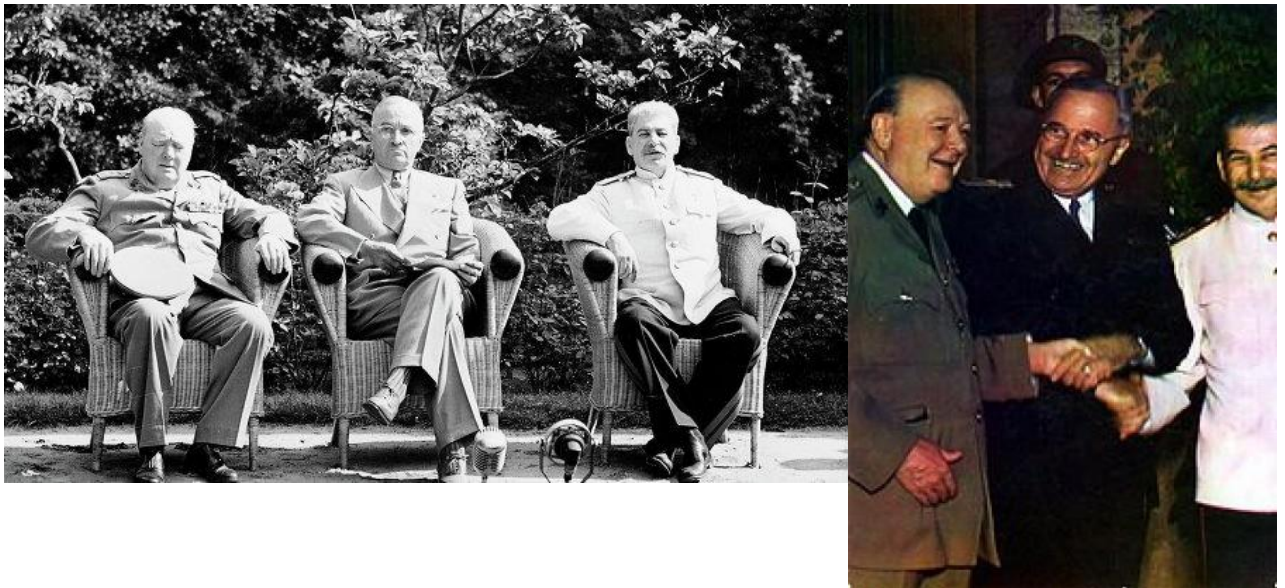
¹³ См. Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: В 2 тт. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Т. Трумэнном (август 1941г. – декабрь 1945 г.). М.: Политиздат, 1958. С. 9 - 16.

¹⁴ См. подробнее Буранок С.О. и др. «Мы» и «они»: Великая Отечественная война в оценке общественности США и Великобритании. Документы и материалы. Самара : ООО «Издательство Ас Гард», 2014.С. 120 – 121, 124 – 126.

премьер-министра, с которым американский лидер встречался намного чаще, чем со своим советским визави, и который зачастую проводил «предварительное согласование позиций» с Рузвельтом буквально накануне переговоров со Сталиным. К таким «секретам для двоих», в первую очередь, стоит отнести атомные разработки, а также, как оказалось позднее, бернские переговоры англо-американских представителей с обергруппенфюрером СС К. Вольфом. Подписи Рузвельта и Черчилля стояли на известном меморандуме по проекту «Тьюб аллойз», который недвусмысленно говорит о необходимости усиления секретности по урановым разработкам и отстранения от него Н. Бора, выступавшего за совместное владение «большой тройкой» технологией этого нового смертоносного оружия¹⁵. Но именно по настоянию Рузвельта, как известно, местом высадки союзного десанта в Европе стала северная Франция, а не Балканы, как это предлагал Черчилль с целью остановить продвижение Красной армии в Европе и лишить СССР влияния на полуострове.

Таким образом, при анализе взаимоотношений между лидерами СССР, США и Великобритании уместно говорить о роли Франклина Делано Рузвельта не только как о президенте одной из наиболее экономически развитых держав, безусловно, ставивших интересы своей державы превыше других, но и как о своеобразном связующем звене между Сталиным и Черчиллем. Это посредничество, конечно же, проистекало не из каких-либо скрытых личных предпочтений американского президента, но из четкого осознания того, что в ставшем глобальном мире нельзя ограничиться самоизоляцией на одном материке и что если целью Соединенных Штатов является мирное развитие международных отношений, то необходимо взаимодействовать с другой супердержавой, преследующей те же миролюбивые цели – с Советским Союзом.

¹⁵ См. Foreign Relations of the United States. Conference at Quebec, 1944. Washington (D.C.), 1944. Pp. 492 – 493.

... На фотографиях с Потсдамской конференции новый американский президент (Гарри Трумэн) занимал ставшее традиционным место между двумя европейскими лидерами. Более того, на одном из снимков он пытался предстать в роли союзника-посредника между ними. Однако качество отношений в «большой тройке» уже радикально изменилось. Известный своим «национальным эгоизмом» и фразой о том, что в ходе Великой Отечественной войны надо помогать проигрывающей стороне, чтобы максимально обескровить обоих противников, именно Трумэн стал инициатором приглашения и известной речи Черчилля в Фултоне менее чем через год после Потсдамской конференции. Именно при Трумэне американская дипломатия заимствовала идеи британской геополитики и началась «охота на ведьм» - чистка госаппарата от симпатизантов Советского Союза.